

Осень запозднилась быстро, точно торопилась куда. Казалось, вчера еще стояло золотое бабье лето, когда листья на тополях не совсем опали, но воздух уже отстраненно-прозрачен и небо глубокое, синее, торжественное небо. А поутру нынче заложило все кругом чем-то тяжелым, свинцовым, низким. Холодно, и дождь моросит мелкий, противный, не прекращается. Вот уже и в дом промозглость проникла, и в душе — холодно, неуютно.

Несмотря на непогоду, сегодня, как обычно, Валентина Сергеевна с утра чайник чистит. Чайник — старый, вместительный, с массивной черной ручкой, когда-то красивый, блестящий. Только сейчас, глядя на него, об этом даже и вспоминается-то с трудом, поверхность толстым слоем копоти покрылась, а внутри — накипь на стенках. Чистить его, конечно, дело бесполезное, вроде немного оттер, даже какой-никакой блеск будто бы проявился снаружи, но — вскипятил в нем воду разок, и снова он темный, закопченный, неприглядный.

Однако Валентина Сергеевна чистит. Сначала снаружи содой оттирает, потом кипятит с яблочными шкурками, при этом накипь внутри от стенок кусками отваливается. Потом сливает воду, ополаскивает чайник и снова трет его снаружи содой. И так — изо дня в день.

Дочь постоянно Валентину Сергеевну за это упрекает:

— Чего ты, мам, трешь старье это. Давно выбросить пора! Гляди, уж скоро дыры прошоркаешь. Есть же новый чайник, электрический, мы ж тебе его на день рождения и подарили... За чем тебе этот-то!?

— Да привыкла я к нему как-то...

Дочь не понимает, молчит. А ей действительно жалко, этот чайник — родительский, она его еще из Чапаевска с собой привезла, когда сюда после техникума по распределению приехала.

Частенько вспоминает Валентина Сергеевна, как техникум окончили, как гуляли с подругами, с парнями-сокурсниками вдоль берега реки, окончание отмечали. Вина немного выпили, не без того, как-никак взрослые уже — дипломированные специалисты!

Валя тогда во второй раз в своей жизни вино попробовала, первый — на Новый год родители ей шампанского налили немного, так тогда она даже не поняла.

А тут — дипломы! Никто их не контролировал, и она как-то быстро захмелела. Голова приятно кружилась, язык смешно заплетался, говорила много, правда, то и дело перескакивала с одного на другое. О том говорила, что теперь новая самостоятельная жизнь у них начинается, как это здорово... скоро она в Сибирь поедет на строительство нового химического комбината, сама на распределении напросилась...

С Сашей, помнит, как целовалась, это с тем мальчиком, что в техникуме дружила. Только вот он ее решение не одобрил тогда, насчет Сибири. Как-то так неопределенно расстались: не чужие, но и не друзья. Она в Сибирь поехала, а он в Москву — дальше учиться.

Дома, когда родители ее собирали, ворчали сильно, но у нее то самостоятельность уже в голове выгнала.

— Пап, мам, ну что вы меня, как маленькую, обхаживаете! Сама все и соберу!

Впрочем, со стороны родителей возражения категорически не принимались. Отец ее, Сергей Гаврилович, мужик был правильный, старых, домостроевских устоев.

— Ишь, са-а-ми... с усами... Ну-ка, дочь, не перечь родителям! Чай не чужу девку, дочь родную в дальние края собираем. В Сиби-ирь... Поехала — не спросилась, теперича терпи, будь добра... А то — са-ами!.. — И жене уже: — Мать, слышь чего, собирай давай дочь! И чтоб все как положено!..

Всегда в семье так было, отец сказал, значит, так оно и будет. И мать засуетилась сразу — белье теплое, носки шерстяные, варежки, валенки... Пирожков опять же в дорогу разных наложила, сала кусок... Вилку, ложку, кружку... И чайник вот этот. Чемодан да сумка всяческого добра получилось.

Ехали весело, она и еще человек десять выпускниц Чапаевского техникума. Настроение у девчонок было самое что ни на есть романтическое. На новое место ехали, все как один с новыми, только что полученными дипломами, новый комбинат строить и запускать. Молодые, красивые, шумные...

Всю дорогу Вале Саша вспоминался, поцелуй их прощальный. Ну что ж, не захотел он ее тогда понять, не поддержал, значит, не судьба им вместе дальше по жизни идти. Как поет-ся: «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону...»

Веселье и общий подъем царили в купе, девчата не утихали всю дорогу, шумели, песни пели, у одной из них — Надежды — гитара с собой была, и играла она на ней неплохо. Наперебой рассуждали, как устроятся, как работать будут... Что за город такой там, на самом краю Сибири, в котором такую химическую громаду-комбинат построить решили? Вопросов много было, ответов на них пока — увы... Но никто и не думал сомневаться, что все обязательно наладится — все в конце концов хорошо будет. Соседи по вагону на девчат не сердились, напротив, смотрели понимающе, улыбались, спрашивали:

— Валенки-то, девчата, не забыли? В Сибири без валенок худо.

— Взя-яли валенки!.. И калоши взяли...

И звучало в вагоне: «Едут новоселы по земле целинной...»

На перроне у небольшого старинного здания вокзала снег был нечищен, видимо только выпал, не успели убрать. Здесь встретил их молодой парень в солдатской ушанке с дырочкой вместо кокарды, в новом ватнике, сам немного нескладный, часто снимал очки, протирал их меховой рукавицей, снова надевал, и они тут же почти моментально затягивались полупрозрачной инеовой пленкой.

— Здравствуйте, девчата! Из Чапаевска?

— А что, похожи!? — отвечала за всех самая бойкая на язык Надежда.

Спросила, а сама так вызывающе на парня глядит, с лукавинкой в уголках глаз.

— Ну, факт. Из Чапаевска. Сразу видно, бойкие такие, — утвердительно кивнул парень, себе ли, еще ли кому.

— Пряма-таки и факт... Смотри-ка, какой глазастый! Все сразу и рассмотрел. — Надежда глазами смеется, а сама ждет будто, что он ей ответит. — А еще чего увидел?

— Ну ладно, девчонки. Я тут начальник по кадрам. Вот вас и встречаю...

— Надо же, по кадрам!.. Больно молод для начальника-то...

— Да какой есть. У нас тут все молодые, со всех концов страны. — Парень нисколько не смутился. — Степан я.

— А я Надежда, стало быть. — И руку ему манерно протянула. — А скажите, товарищ начальник, отчество у Степана есть?

— Е-есть... Николаевич... — Немного-таки смутился парень. — Можно и без отчества. Короче так, девчата, сейчас все идем в библиотеку...

— Вы, Степан Николаевич, нас, кадров-то, поскольку главный вы по нам, по кадрам, как говорится, сначала накормите, напоите да спать уложите!.. А потом уж и книжки читать будем! Вместе. Про любовь... — Никак не сдавалась Надежда.

Девчонки с любопытством следили за их интересной шуточной перепалкой, чего это Надежда?.. Неужто понравился Степан?..

— Вот я и говорю, в библиотеку сейчас идем. Там и покушаете, и расположитесь...

— В библиотеке?..

— Ну да, общежитие-то у нас еще не достроено. Вот и будете в нем сами себе комнаты штукатурить да обустраивать. А пока, девчонки, в библиотеке пожить придется...

— Ладно, — нехотя согласилась Надежда, — веди уж в библиотеку хотя бы, Нико-ла-ич. Читать будем!..

Дочь у Валентины Сергеевны по ее стопам пошла, политехнический институт окончила, здесь же, в городе. Тоже теперь на комбинате трудится, вернее в одном из ООО — обществе с ограниченной ответственностью, из тех, что теперь от комбината остались. В техотделе. Место непыльное, хоть работы и много, но всё — не в цехе, всё гадостью не дышать. Сама-то Валентина Сергеевна знает, что это такое — зимой в цехе мерзнуть, летом жариться да нитроглицериновыми испарениями дышать. Как-никак всю жизнь она на формовании проработала, пороховые шашки делали. С тех пор на всю жизнь запомнила она — чем порох пахнет.

Сын у Валентины Сергеевны тоже при месте, он-то еще раньше дочери отучился, правда, не по специальности работает, но тоже в ООО, в отделе рекламы. Все больше по командировкам да по выставкам мотается, а так, когда не в отъезде, — у компьютера сидит. Или рекламу выдумывает, или отчеты пишет да планы разные составляет. Словом, хоть и на бывшем химическом комбинате, но химию тоже, как и дочка, пока не нюхал. Да и — даст Бог — ни к чему детям это...

Про их семью раньше не раз и в многотиражке писали, мол, есть такая рабочая династия. Про то, что они с мужем и строили все здесь, тут же и познакомились, и химии «поглотали» в свое время, оба на пенсию по вредности с комбината пошли, — это факт. А вот сын с дочерью... Хотя понятно, время теперь другое, жизнь другая, другие и ценности...

Муж Валентины здесь же, мастером у слесарей в управлении последнее время трудился. Раньше-то, до пенсии, Дмитрий Викторович в цехе вредный стаж выработывал, сначала слесарем, потом институт заочно окончил. После окончания мастером его сразу поставили, потом, через некоторое время, начальником участка, а уж перед самой пенсией — год начальником цеха был, чтобы зарплата побольше была, и пенсию побольше насчитали.

Да только недолго он эту пенсию получал, оформил, перевелся в управление — двух лет не проработал. Сказалась-таки химия, рак легких у Дмитрия обнаружили. Буквально за два месяца сдал, на нет сошел, похудел, осунулся, смотреть страшно. И лечение не помогло, говорят, поздно хватились, раньше, мол, надо было вам к врачам обращаться. Словом, похоронила она Дмитрия...

Сама сейчас на пенсии, но пока работает, тоже в ООО, в отделе метролога, бумажки с места на место перекладывает. Так полегче, конечно, и на людях вроде весь день, все не одной дом опустевший сторожить. Да и на одну-то пенсию нынче не очень-то проживешь, хоть и ветеранская она...

Самая первая из них, из чапаевских, Надежда замуж выскочила. За того самого начальника по кадрам, который их на перроне встречал. Буквально, через три месяца, как приехали, и выскочила.

Парень он, хоть и нескладный на вид, но умный шибко. Одна закавыка была, фамилия у парня — Дураков. Как Степан Надежду ни убеждал, наотрез она свою фамилию на мужнину менять отказалась, так и сказала прямо:

— Знаешь, Степа, хватит нам в семье одного Дуракова... А дети у нас все Пичугины будут.

Степан поморщился-поморщился недовольно, но и свою фамилию на Пичугин тоже менять не стал. Так рассудил: отец — Дураков был, мать — Дуракова, жили же они, и неплохо жили, в мире и согласии, вот и он проживет как есть — Дураковым. А что до детей, он не против, пусть жена их на свою фамилию пишет, как народятся.

Свадьбу гуляли вскладчину. Степану и Наде в новом общежитии отдельную комнату выделили, по тем временам — повезло, другие-то девчонки по четверо жили в своих комнатухах. А тут — одна на двоих. Богатство!

— Ничего, — Степан Надежду утешал, — скоро новые двухэтажки сдавать начнут, там мы с тобой обязательно квартиру получим, двухкомнатную.

— Скорей бы уж, — вздыхала Надежда. — А то так детишек-то сюда в общагу и принесем...

— Каких детишек? Что — уже?... — Степан даже растерялся.

— А ты и испугался сразу? — Надежда с хитринкой глядела на него, точно безмолвно смеялась про себя. — Надо же, главный по кадрам, а откуда кадры берутся, не знает...

— Ты не юли, прямо на поставленный вопрос отвечай! — настаивал Степан. — Уже?..

— Пока — еще... Но, как говорится, дурное дело не хитрое, и одной ночи хватит...

— Почему дурное? Ничего не дурное, я ж только — за... А квартира... говорят, в следующем месяце начнут трехэтажки заводские сдавать, сначала, конечно, тем, кто с детьми, ордера дадут, но, глядишь, месяца через четыре и мы получим...

— Скорей бы...

На людях Дураковы-Пичугины часто так шутливо перебрались промеж собой, но жили дружно, девчата, Надеждины подруги, те, кто еще не успел замуж выйти, им завидовали по-хорошему, а Надежде говорили:

— Счастливая ты, Надюха! Вон, какого парня отхватила — и при должности, и при тебе теперь... жить да радоваться!

— А мы и радуемся, — задорно отвечала Надежда. — Весь день радуемся до самого вечера и каждую ночку...

Среди подруг недаром слыла она лидером, бойкий, порой задиристый характер нередко привлекал к ней внимание и комбинатовского начальства. Уже через неделю после начала работы назначили ее бригадиром на строящемся участке формования. Они, выпускницы Чапаевского техникума, специалисты-пороховики, вынуждены были тогда осваивать новые для себя специальности. Мастерская формования только-только строилась. Конечно, монтажом занимались специалисты подрядного специализированного управления, а вот к строительству девчат привлекали активно. Рабочих на стройке не хватало, несмотря на то что на возведение комбината была мобилизована молодежь многих близлежащих сел. И они, будущие аппаратчицы, наравне со строителями были здесь и штукатурами, и малярами, и разнорабочими.

Командовать у Надежды получалось хорошо. Девчата слушались ее с полуслова, работа спорилась, а после работы, когда они ехали домой по узкоколейке на специально оборудованном вагончике, который утром доставлял людей до стройки,

а вечером вез обратно, Надежда устраивала своеобразную политинформацию. Видимо, они со Степаном дома по вечерам не только о пополнении семейства думали, порой Степан рассказывал ей и все, что сам слышал в коридорах комбинатовской власти. А уж Надежда потом добросовестно вводила в курс дела своих подруг. И то верно, все лучше, чем молча ехать, и дорога короче, и усталости как не бывало:

— Вот почему здесь комбинат строить решили? — начинала она. — Уроки Великой Отечественной...

— Скажешь тоже, причем здесь война...

— Точно. Вспомните, девчонки, в самом начале, когда наши отступали, сколько сюда, в Сибирь, предприятий эвакуировали! Здесь же практически вся промышленность из европейской части в те годы сконцентрировалась. И оружейная, и швейная — обмундирование для солдат тоже нужно же было шить... и даже спичечная фабрика... А как иначе!.. Потом-то, конечно, что-то вернули в Центральную Россию, на Украину, в Белоруссию... А что-то и здесь осталось...

— Ну а комбинат-то причем? Он же с нуля строится.

— Вот тогда и призадумались светлые головы в нашем правительстве, дабы такого не повторилось, чтобы в случае новой войны не было нужды эвакуировать в спешном порядке из одного конца страны в другой целые заводы со всем оборудованием, с людьми, — нужно их по всей стране рассредоточить...

— Теперь понятно, когда так доходчиво рассказала, — кивали подруги и тут же подначивали: — Не иначе как твой Степан тебе про то всю ночь объяснял, всю государственную стратегию и тактику...

— А вы чужие ночки не считайте, подружки! У нас со Степой на все про все времени хватит. И про дело поговорить, и... Будьте спокойны, уж кадрами-то мы страну обеспечим...

— Ну ты, Надюха, никогда в долгу не останешься! Палец тебе в рот не клади! — Они все вместе смеялись, хоть и после работы, хоть и уставшие, но настроение хорошее, бодрое...

Шоркает Валентина Сергеевна чайник, а сама вспоминает. Когда цех к сдаче государственной комиссии готовили, все в порядке приводили, красили стены, полы, драили все помещения.

Они в аккурат с Надеждой обсуждали, что еще сделать нужно срочно, а тут деваха к Надежде подбежала, молодая, из деревенских, из тех, что недавно только на комбинат устроились. Подбежала и причитает:

— Надежд Михаловна, Надежд Михаловна... Там у нас валики расползаются...

Что причитает, о чем — ничего не понять.

Цыкнула на нее Надежда:

— Не блажи! Говори толком — где это у вас, какие такие валики?

— Ну красим которыми... Все облезли уже... Мы пол на пульте управления докрашиваем... Теперь нечем, не успеем к комиссии!..

— Пойдем глянем.

Посмотрели. Действительно, материал, что на валиках, весь расползаться начал, ворс полез и с краской на полу остается.

— Сейчас... сейчас... — Надежда начала лихорадочно прокручивать в голове варианты. — Сейчас... А-а!.. — Она махнула рукой, видимо что-то решила. — Сейчас приду! Иголку и нитки ищите! Быстро!

Валентина и девчонка, которая уже немного успокоилась, ничего не спрашивая, быстро кинулись в бытовку. Были уверены, Надежда что-то придумала, а уж иголка и нитки у девчонок в бытовой комнате всегда были под рукой, мало ли, иногда спецовку зашить надо бывает или еще что...

Надежда вернулась скоро, и Валентина буквально обомлела, глядя на нее. В руках подруга держала отпоротый каракулевый воротник от своего новехонького модного черного пальто.

— Ты... ты... Как? — Она растерянно смотрела на подругу. — Это ж Степин подарок?

— Степин, Степин... Чего встали, режьте напополам, да валики обшивайте! Времени мало...

— Ч-че Степа скажет!?

— Че-че, не знаю пока — че. Че-то скажет, наверное... Не за воротник же он меня любит, я-то и без воротника — девчонка ничего себе!..

— Ну, ты, Надюха, даешь!

— Даю... Даю... И вы давайте! Работайте уже...

Как выяснилось позже, Степан Надежде ничего не сказал, только философски пожал плечами, а на следующий день отнес женино пальто в ателье, чтобы новый воротник к нему пришили.

А цех они подготовили вовремя, и приняли его члены комиссии без единого замечания. Пожилой, высокий, с седыми висками генерал из министерства обороны, который комиссию возглавлял, в шинели с каракулевым воротником, в каракулевой папаче, поздоровался со всеми, причем с девушками тоже за руку, сказал:

— Ну, молодцы! Хороший цех подготовили, самим приятно работать будет. — И молодецки подмигнул Надежде. — Теперь ждем от вас качественной продукции!

— Служим Советскому Союзу! — не растерялась Надежда.

Генерал усмехнулся тепло, как-то по-отечески, и, прощаясь со всеми — осмотр здания был окончен, комиссию повели подписывать акт приемки в столовую, — добавил, обращаясь к Надежде:

— Служба — службой, дочка, а обед по расписанию. Заслужили мы обед...

Валентина замуж вышла на год позже подружки, поначалу она все своего Сашу вспоминала, все думала, почему он не принял ее решение, почему расстались так глупо? Переживала. Но бурное развитие событий на новом месте отвлекло ее от прочих мыслей, и постепенно все переживания притупились, отошли куда-то далеко на второй план, словно и не с ней это было, словно в какой-то другой жизни. Вокруг кипела стройка нового, важного для страны комбината, нужно было решать бытовые проблемы, связанные с обустройством на новом месте, с работой, с учебой...

Как раз в то время при комбинате открыли рабфак местного технического института, мастеров на производстве катастрофически не хватало, вот и решили подготовить их из рабочей среды, так сказать, из тех, кто уже был знаком с производством не понаслышке и, конечно, хотел учиться дальше. Сначала поступали на подготовительные курсы. Было интересно, учеба многим давалась легко, тем более у большинства поступающих за плечами уже было профильное образование. Да и руководство комбината, учитывая нехватку инженерных кадров низшего

звена, наиболее зарекомендовавших себя в работе молодых специалистов охотно назначало на инженерные должности — мастерами, технологами, но с обязательным условием, что они продолжат свое образование. Вот и Надежда с Валентиной руководили теперь разными сменами на одном участке, а по вечерам ехали на занятия, на рабфак.

Там Валентина и познакомилась со своим Дмитрием Викторовичем. Парень был старше ее года на три, окончил местное техническое училище, работал по специальности — слесарем в одной из мастерских на новом комбинате. Человеком Дима был работающим, серьезным и ответственным, из потомственной рабочей семьи. Родители у него трудились на одном из эвакуированных сюда в первый же год войны промышленном заводе. Жили они в своем доме на окраине города, держали корову и кур. Когда родители были на работе, Диме приходилось управляться с хозяйством, так что к труду парень был приучен с малолетства.

Немного поработав после окончания училища, Дмитрий решил, нужно расти дальше, и поступил на рабфак. А после занятий, так получалось, он частенько провожал Валентину до общежития, тем более что и жили они с родителями неподалеку. Ну, и как это частенько бывает, провожал-проводал, а на третьем курсе взял и сделал Валентине предложение руки и сердца. Сходили в ЗАГС, подали заявление.

И начались предсвадебные хлопоты, вот у Валентины смена заканчивается, нужно пройти посмотреть, проверить — все ли в порядке. А мысли о другом — свадьба!.. Нужно же заготовить все, продукты закупать, платье белое обязательно, с фатой... Без белого платья она не согласна! В конце концов, первый раз замуж выходит, и хочется верить, что навсегда...

Задумавшись, зашла она на приемку, чтобы выработку снять... а там никого нет. И конвейер остановлен уже, и пороховые шашки, которыми снаряды для «Градов» комплектуют, на специальных ложементах рядками выложены... Холодно на приемке — она отдельно от здания в небольшом металлическом «теремке»... И — ни приемщицы, ни грузчика...

«Не иначе, греться пошли в здание! — подумала. — Придется, наверное, поругать их для порядка!» Хотя понимала, попробуй-ка,

постояй в этом металлическом «теремке» шесть часов кряду, когда на улице мороз за тридцать. Хоть и двигаешься, хоть и изделия тяжелые с конвейера снимаешь, выкладываешь на ложементы, обмеряешь их штангель-циркулем, все равно холод под одежду проникает вкрадчиво, вроде и незаметно, но чем дольше ты на морозе, тем сильнее каждую мышцу он пронизывает. А к концу смены вообще кажется, что его из тела уже ничем не выгнать.

«Ладно, — решила, — сильно ругать не буду, скажу, чтоб по очереди греться ходили». Вспомнила, как сама на приемке начинала. Вот в такой мороз — вроде и семь одежек на тебе, и пимы теплые, и носки в них шерстяные, и ватник толстый... — уложишь ты изделие на ложемент, оно теплое, только-только с формовки, сядешь рядом с ним, прижмешься спиной прямо к пороховой шашке, будто к печке, и греешься, пока новое изделие к тебе с формовки не выползет по ленте конвейера...

Греешься и забываешь, что прямо за спиной у тебя «его величество порох», с которым, как известно, не шутят, и ты с ним чуть ли не в обнимку сидишь, как с милым другом. Но не дай Бог разряд электрический искоркой с тела проскользнет к шашке, вспыхнет она как свечка. Хотя и все предусмотрено, вроде, чтоб избежать этого: и спецодежда вся, вплоть до нижнего белья — без всякой синтетики, и инструмент весь из дюралюминия выполнен, но как знать, за каким углом черт стережет...

Так и работали, а куда деться, снаряды стране нужны.

Меняла Валентину Надеждина смена. Всё Валентина Надежде в журнале расписала — выработку, параметры технологические, а потом еще немного с подругой в бытовке посидели, чая попили.

— Ну как, к свадьбе-то готовишься?

— Ох, и не говори, подружка, забот — полон рот!

— Не печалься, справимся! Девчонки все помогут, чай не чужие...

— Спасибо вам... Я-то, если честно, не знаю, за что схватиться.

— Разберешься за что, а там и схватишься. Ежели сама не разберешься, мы подскажем: мужики-то, они, чай тоже, как и пороховые шашки, все по одному чертежу сделаны...

— Все шутишь.

— Да только и остается. Ты вот мне лучше скажи, после свадьбы к своему разлюбезному жить съедешь?

— Наверное... Мы как-то об этом еще не думали.

— Не думали они... А со свекром, со свекровью у тебя как?..

Принимают они тебя?

— Не знаю пока, я и была-то у них раза два, и то мельком...

— Ты, подруга, пока время еще есть, этот вопрос изучи.

А то не жизнь будет потом — сплошной Содом с Гоморрой...

— Ладно... — отмахнулась Валентина, и то верно — не до того ей было, другие хлопоты в голове.

К слову сказать, с родителями мужа у Валентины сразу заладилась, мать его Матрена Ивановна в первое же утро, после того как молодые к Дмитрию переехали, невестку в оборот взяла, мягко так, по-свойски, но уверенно:

— Ну что, Валюша, мужики пока по хозяйству управляют, давай-ка завтрак им сготовим. А то сейчас придут голодные... — сказала, словно невестка здесь в доме уже все знает.

И сразу как-то у Валентины все на место встало, а ведь правда, сейчас Дима со свекром скотину покормят, придут домой — их кормить нужно, чай, с вечера ничего не кушали. Она живо вошла в процесс, салат свежий нарезала, спросила у свекрови:

— Что еще?

— Да пойди на стол накрой, сейчас придут уже, я вот тут им картошечки пожарила свежей, ты укропчиком сверху посыпь, отец у нас любит, когда с зеленью.

Свекор, Виктор Дмитриевич, после того как руки с Димой они помыли, сел неторопливо во главе стола, как бы строгим взглядом стол оглядел молча, головой кивнул. Все остальные тоже к столу подсели, слева Матрена Ивановна, справа Дмитрий, Валентина живо сообразила, ее место рядом с мужем, тоже присела. Свекор картошку попробовал,

— Че-то плохо ты меня любишь, мать, картоху-то недосолила... Дай-ка солонку.

Попробовал салат.

— А невестка — молодец, уважает свекра, соли как раз впору. — Улыбнулся. — Ладно, давайте подкрепимся слегка, а то до обеда далеко еще...

И все, последнее напряжение у Валентины словно рукой сняло, поняла, у каждого здесь свои обязанности, каждый свое делает, а все вместе они — семья, и она тоже отныне член этой семьи.

Чистит Валентина Сергеевна чайник да вспоминает. Года через три после свадьбы у них с Димой сын родился. Как она радовалась, когда ей впервые малыша в роддоме кормить принесли: маленький, розовый весь, на руки его взяла с опаской — не дай Бог неловко что-то сделаешь, еще повредишь, а он вон как смешно глазки открыт пытается, да к титьке ротиком тянется...

Дмитрий, тот, когда Валентину с малышом из роддома забирал, тоже не сразу решил малыша на руки взять, боялся, пожалуй, даже больше, чем Валентина поначалу.

— Ты чего? — улыбнулась она. — Бери смелее, твой ведь сын...

— Маленький какой... — Дмитрий все еще не решался.

— Ниче себе маленький! Четыре с половиной килограмма потянул!.. Богатырь!

— Вот я и говорю, маленький... — Дмитрий наконец-то осмелился, взял сына на руки. — Витькой будет.

— Витенькой, стало быть, — согласилась Валентина.

Дочь у них спустя два года родилась, к тому времени они уже от родителей съехали, как раз перед этим им новую квартиру дали.

А дальше... жизнь как жизнь, как у тысяч других знакомых, не лучше и не хуже: детей растили, поднимали, на ноги ставили... а там, не успели оглянуться, а уж и внуки пошли, сначала у старшего, Виктора, девочка родилась — Марина, потом у Светланы, у дочери — сын Антошка.

С рождением внуков вся жизнь как-то иначе восприниматься стала, приоритеты поменялись. Раньше что было — на первом месте работа, куда от нее денешься, надо детей обеспечивать; потом — дом, дети, приходишь с работы усталый, а нужно с сыном или с дочерью уроки делать, в школу опять же сходить, учитель зачем-то вызывает... но — это после работы.

Теперь по-другому все. В первую голову заботы — у Маринки температура повысилась, простыла, наверное, в садике... Антошка всю ночь не спал — плакал, зубки, видать, режутся... Порой и с работы отпроситься приходится, чтобы с кем-то из внуков в больницу сходить. Сыну-то с дочерью — некогда...

И все бы ничего жилось, да что-то непонятное вокруг происходит теперь, жизнь меняется, да как-то уж больно резко. Страны той не стало, в которой с рожденья жили, которую строили вот здесь — в Сибири... Столько сил отдано!..

Но сообразили новые «правители» на троих, посидели где-то в Беловежской пуще, попили водки, да все за всех по пьяному делу и порешили. А то, за что народ проголосовал на референдуме, на то, как говорится, с прибором положили...

Комбинат опять же, который они всем народом строили, — половину цехов позакрыли, говорят, не нужен больше порох стране, мол, мы теперь с американцами дружить будем. Вторая половина — в различные ООО переделали, работают они еле-еле с грехом пополам. Там, где сложнейшее оборудование делали, ложки да кострули теперь штампуют, где заряды для ракетных двигателей вулканизовали — шампиньоны выращивают...

Вот и Дима ее не вынес этих перемен, заболел. И умер. Опять почувствовала, как слезы к глазам подступили, всегда так бывает, как мужа вспомнит. Лучше уж о другом о чем-нибудь.

Вот подруга ее, Надежда, которая к тому времени Степана своего тоже схоронила, она в этой новой комбинатовской реальности ко двору пришлась. Своих детей им как-то со Степаном Бог не дал, то ли не очень постарались они, то ли еще что, вот вся энергия, особенно после смерти Степановой, у Надежды в карьеру ушла.

А тут еще — года три назад — встретила Валентина в бывшем комбинатовском управлении — даже глазам не поверила! — Сашу. Того самого. С которым в Чапаевске на выпускном целовались.

И он ее узнал почти сразу, глаза у Саши округлились, заикался даже:

— Т-ты?..

— Я-а... — Валентина не сразу сообразила, как ей себя с ним держать, с одной стороны, можно ему былую обиду припомнить, как он с ней в Сибирь тогда не поехал... с другой — сама ведь она тогда сюда напросилась, да и столько времени прошло... — Не узнал?

— Узнал.

— Ну, и хорошо. Ты откуда? По каким делам к нам в Сибирь? — Все-таки не сдержалась, слово «Сибирь» нарочито подчеркнуто произнесла, по слогам.

Он понял, но сделал вид, что — нет, ответил спокойно:

— В командировку. Я теперь в министерстве работаю, ваши предприятия курирую. Нынче реорганизация у вас на комбинате намечается...

— Как это?

— Да так, акционировать предприятие будут, так сказать, разгосударствление собственности...

— И что?

— Да ничего. То государство хозяином комбината было, теперь вот вы будете...

— Мы?

— Ну, люди... Все работники какие-то свои доли получают. Потом, кто захочет, сможет свою долю продать...

— Кому?

— Кому-нибудь...

Валентина сразу отметила про себя, хотя и интересно ей Сашу снова увидеть, поговорить с ним, но особых чувств внутри не всколыхнулось. Спокойно как-то все, словно и не было ничего никогда.

Потом он в кафе Валентину пригласил. Ее и Надежду. Как-никак в техникуме в одной группе все втроем четыре года учились.

А вот Надежду Сашина новость про акционирование комбината очень заинтересовала. Весь вечер в кафе она у него все живо выпрашивала, что да как. Телефоны его московские записала — и рабочий, и сотовый.

А после его отъезда так энергично за дело взялась, видать, не зря спрашивала — и акции у людей скупала, и под эти акции собственность на одно производственное здание оформила. Потом оборудование откуда-то закупила — термопласт автоматы для производства разовой посуды, новенькие. Позже как-то она Валентине призналась, это Саша ей с оборудованием помог по своим московским связям. Теперь они с Надеждой — компаньоны.

Открыла Надежда производство, и дело у нее пошло, спрос на разовую посуду оказался огромным. Развернулась она, настоящей хозяйкой стала, дочь вот Валентинину к себе работать пристроила.

Смотрит Валентина на Светку, без очков видно, как дочь Надежде во всем подражает. Одевается, как ее подруга, разговаривает — ну, точь в точь — Надюха. Словечек этих, опять же, понабралась — «шопинг», «фитнес», «менеджмент», «маркетинг»... Даже походка у Светки такая же, как у Надежды, стала. Нет, Валентина не обижается, не ревнует вовсе, просто понять не может она эту новую жизнь, а стало быть, и принять многое из этого нового, непонятного.

А может, и не надо понимать... Как обычно, Светка в разговоре с матерью, когда аргументы исчерпает, говорит:

— Мама, ну ты че, ниче не понимаешь. Так надо!

Может, и правда, — так надо... Им, молодым, виднее.

Холодно нынче. Дождливо. Сыро в квартире, отопление дома пока не подключили. Неуютно как-то Валентине Сергеевне, вот и думает, что бы такое сделать, чтобы повеселее жить стало.

И мысль сама собой неожиданно возникла, наивная конечно, но средство испытанное: «А что, сварю-ка я сегодня борщ! Настоящий! Украинский! Как мама в детстве готовила, с мясной наваристой косточкой, с поджарками свиными, со сметанкой!.. Опять же, может, и дочь с внуком придут, их тоже чем-то покормить надо...»

Она живо представила Светлану с Антошкой, хоть бы зашли... Впрочем, дочь, как всегда, занятая, наверное, торопиться куда-нибудь будет, и разговоры у нее все какие-то такие же торопливые — о ценах, о работе... И все не сильно-то веселые, мол, пошло-посыпалось, «акционирование да прихватизация», начальство, кто поближе к «корытцу с похлебкой», теперь будто меж собой соревнуются — кто жирнее кусок от комбината себе отщипнет, и всяк под себя загребает... Изменились, сильно изменились люди.

Вот внучек, Антошка — тот тоже торопыга, вроде матери, тоже все быстрее съесть норовит, чтобы к материному айфону скорей убежать да там игры свои играть. Понакачал он на Светкин айфон этот разных игрушек из интернета, мать ругается: «Совсем всю память забил своими «стрелялками» да «ходилками», телефон вон теперь еле-еле шевелится...»

Но все равно, представляет Валентина Сергеевна, как они за столом сидят вместе, хорошо так, уютно, и борщ дымится красный, запашистый... И на душе у нее тепло.

Кинулась она в холодильник сперва, потом в ящик, где картошка хранилась, — ни свеклы, ни картошки нет, все закончилось.

Придется на рынок идти, благо недалеко.

Что делать, собралась, пошла. Сначала купила все необходимое для готовки — пару килограммов картошки, с запасом взяла. Свеклу, морковку, лук... Решила через вещевые ряды пройти, все равно по пути. «К тому же, надо бы Антошке носки шерстяные взять, а то осень уже, а он носится по улице в кроссовках да в тоненьких носочках. Куда Светка только смотрит!.. Глядишь, застудится парнишка. Оно, пока молодой, ничего вроде, а потом годкам к пятидесяти вылезает все — то спина ноет, то ноги ломит... По себе знаю».

Народу на рынке немного, продавцов больше. Видимо, погода: не сильно-то в такой холод и слякоть по улице расходишься. Вон и продавцы даже, бабенки, что помоложе, собрались у одного из стандартных железнодорожных контейнеров, которые приспособлены у них для хранения товара, чего-то кучкуются.

Молодые они, а на вид полные какие-то, ни дать ни взять — толстухи. Впрочем, поняла Валентина, это от понавздеванных на них одежек. Подозрительно розовощекие опять же бабенки, явно не просто кучкуются, по всему видно — подогреваются.

И то верно, заметила Валентина Сергеевна, на прилавке пироги, сало да соленые огурчики разложены на пластиковых тарелочках, а откуда-то из-под прилавка одна из бабенок периодически пластиковый стаканчик «с подогревом» являет на общее обозрение. И все они по очереди опрокидывают стаканчик да закусывают тут же.

Валентина Сергеевна вспомнила себя, когда они работали на приемке изделий, наверное, вот так же выглядели в своих многослойных одежах. Правда, подогреваться таким вот способом у них запрещалось строго настрого, и хотя у сменных киповцев спирт для протирки приборов всегда присутствовал в избытке, они все хорошо понимали тогда — вот он рядом — порох, с ним не шутят.

Конечно, нельзя сказать, чтобы совсем не употребляли они спиртное, вполне даже выпивали, скажем, по праздникам, как все нормальные люди, или когда день рождения у кого-нибудь случался, а то и просто так, после смены в соседнем лесочке за проходной отмечали. Тем же самым «киповским» спиртом, который разводили они либо с кофе, либо на рябине настаивали, но выпивали строго с ведома начальства, да и само начальство тоже с ними не чуралось. Почему бы не выпить, но на работе — ни-ни.

Здесь тоже, греются люди и греются, Валентина Сергеевна вовсе не осуждала девах, сама чувствовала, зябко нынче на улице, а им стоять и стоять здесь у контейнеров, чай продавцы, не хозяева.

Покучковавшись немного, выстроились девахи в одну нестройную, но веселую шеренгу, растянули на двух палках какой-то транспарант, пошли по кругу вдоль контейнеров, разногласо невпопад скандируя: «И в снег, и в дождь — голосуй за Борщ!». Редкие покупатели смотрели на это шествие кто удивленно, как Валентина Сергеевна, кто с улыбкой, а кто и просто отрешенно, хмуро и устало.

Честно говоря, Валентина Сергеевна знала, что скоро выборы в городскую думу, но не сразу поняла — за какой за такой борщ? Прямо спросила об этом у женщины, которая торговала вязаными шерстяными вещами.

— Ты что, подруга, — собеседница явно удивилась. — То ж Анжелка Борщ — наш кандидат на выборы. Из наших девах, тоже два контейнера держала, с нами здесь мерзла еще год назад. А потом сошлась с Аликом, который рынок нынче «держит», теперича вот поднялась, теперича у нее у самой пять магазинов. Она-то девчонкам на водчонку и «подбрасывает», чтоб, значит, они ее пиарили. А девкам что, тоже развлечение, подогреются слегка, пройдут — прокричат, все не просто стоять-мерзнуть... Сама же видишь, покупателей-то нынче не очень... Опять же и водка, и закуска девкам — дармовые, им какая разница за кого кричать — за борщ или за щи с хреном...

Валентина Сергеевна пожала плечами. Вспомнила, недавно собрали их, ветеранов бывшего комбината, в музей трудовой славы, который ютился в подвале опять же бывшего комбинатского Дворца культуры, вспомнил кто-то из бывшего

начальства, что ровно полвека назад комбинат выдал первую оборонную продукцию. Вот и решили отметить. Городское начальство кого-то прислало с пачкой Почетных грамот, вручали, речи говорили. Валентина все Надежду глазами искала, удивлялась, не было подруги в зале, неужто не придет, хотелось увидеть, тем более что последнее время встречались они нечасто.

Потом всех пригласили в банкетный зал. Там столы на всех накрыты, колбаска порезана, бутерброды разные, прочая закуска. Вот тут-то Надежда и появилась. Как всегда, шумная, веселая, красивая, одета модно, с иголки:

— Всем здравствуйте! А чегой-то у вас на столах одна закуска стоит?

Только тут Валентина заметила, за подругой вошли в зал два молодых парня, они живо раскрыли коробки, которые держали в руках и стали расставлять по столам спиртное.

— Шикует барыня-Надя... — услышала Валентина за спиной. — Все молодежит, водку народу выставляет... Почти как раньше купцы. Не иначе как на выборы пойдет!

— Пойти-то, пойдет, к бабке не ходи... Только вот у себя на заводике зарплату людям задерживает. И так копейки получают, и те не вовремя...

Валентина знала, что рабочие на заводе, хозяйкой которого была Надежда, за глаза называют подругу «барыней-Надей», но мало ли кто как кого называет. Она обернулась, чтобы посмотреть на говоривших, но не смогла точно определить, кто это сказал, да и нужно ли это было — по лицам стоявших за ней ветеранов поняла, все они расценивали происходящее примерно так же, хотя молчали и будут молчать дальше, говорят же, что терпелив русский народ. Зная, как сегодня живут эти люди, внутренне Валентина Сергеевна понимала эту их правду, более того, поскольку сама жила не лучше, была в душе солидарна с ними в этой их обиде на нынешнюю действительность, с этим их сегодняшним ощущением какой-то брошенности, собственной ненужности... Ведь лучшую часть своей жизни они отдали строительству этого вот комбината, его росту, процветанию! А сегодня со всех сторон, со всех телевизионных

экранов им, людям этим, говорят, кричат, пытаются внушить — что все это было не то чтобы зря, но почти зря... Что жили они не так как-то... А как нужно было?

Здесь же, на торжественном, Валентина спросила подружку прямо, когда выпивала с ней по стопке за «тот» комбинат, а правда ли, что Надежда в депутаты нынче баллотироваться будет?

— И ты туда же, подружка... Не парься зря! Лучше выпьем, давай, водка хорошая, прямо на заводе брала!.. — Надежда была явно возбуждена, не то потому что отдышаться не успела, только подъехала, не то от ощущения внутренней гордости, что вот так запросто она может подарить людям веселое настроение... Валентина подумала про это, но как-то мимоходом, про себя. Подумала, сразу и забыла — наверное, так надо.

— А что до депутатства этого, поверь, подружка, так надо... Не я, другие придут... Тут либо мы их, либо они нас. — Надежда не уточняла, кто «они» и кого «нас», видимо это само собой подразумевалось, и еще Валентина себя на мысли поймала, словно и не Надежда, Светка ей это говорит. — Понимаешь, жизнь теперь такая пошла — не успел, стало быть, опоздал...

Странно это все как-то, раньше вот агитаторы перед каждыми выборами по квартирам ходили — Валентина это хорошо помнит, сама не раз агитатором была, по комсомольской линии их привлекали, — рассказывали людям, за кого им предстоит голосовать, что за человек. А теперь вот кандидаты народ водкой поят или по базарам митингуют, «про борщ» скандируют... Впрочем, сама себя она тут же опять и урезонила — видно, так надо.

— Что делать, подружка, жизнь теперь такая пошла... — словоохотливая продавщица словно повторила Надеждины слова. — Вот что ты думаешь, у Анжелки образование какое? Да пэ-тэ-ушное! И всяк про это сказать норовит... Да только что с того, зато сумела она под жизнь правильно подлечь... Оно ведь, ежели разобраться, и Владимир Ильич как говаривал, мол, каждая кухарка должна уметь управлять... А здесь не государство даже, всего-то небольшой провинциальный городишко!.. Анжелка тут точно порядок наведет!..

Валентина не стала вступать в спор с женщиной, молча купила у нее Антошке теплые носки и поторопилась скорее домой. Уже вслед услышала, как торговка напутствовала ее:

— Чтоб внучку не хворать, пусть носит на здоровье!

Женщина говорила громко, перекрикивая при этом доносившееся из центра базарчика «И в снег, и в дождь...».

Когда Валентина Сергеевна заходила домой, звонок телефонный прямо с порога услышала. Дочь звонила, сказала, что они с Антошкой сегодня не придут. «Шопинг» у нее, с подругой, по магазинам пойдут... а Антон пусть уроки учит, опять вон «отличился» — в школе троек понахватал.

Конечно, такое известие Валентину Сергеевну не очень обрадовало, но опять же урезонила себя — так надо. Да и привыкла она уже к подобному. У Светланы что... свои интересы, своя жизнь. Жалко вот только, внучка снова не увидит, теперь до следующих выходных, наверно.

— Свет, я тут Антошке носочки шерстяные купила, теплые, ты хоть забеги на минутку, забери...

— Потом, потом, мама, заберу. Мне сегодня совсем не по пути. Не пропадет Антошка без носков...

Что тут ответишь, спорить с дочерью бесполезно. Одно на ум приходит — так надо.

Однако и борщ варить Валентине Сергеевне как-то расхотелось. Поглядела в окно. Холодно. Дождливо. Уже машинально, по привычке, взяла в руки чайник, с досадой подумала: «Опять закоптился. И накипь внутри... Только вот чистила»...